

А. Н. Будищев

Лучший друг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Н. Будищев**
Лучший друг / А. Н. Будищев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 254 с.

ISBN 978-5-517-96582-0

Лучший друг

ISBN 978-5-517-96582-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и поддерживать его не къ чему. Чѣмъ скорѣе онъ вылетитъ въ трубу, тѣмъ будетъ лучше Земля должна принадлежать сильнымъ и смѣлымъ, и она будетъ имъ принадлежать. Тормозить движеніе жизни безразсудно. Такіе люди, какъ Грохотовъ,—сорная трава! Это—ходячая меланхолия изъ кислаго тѣста.

Опалихинъ замолчалъ. Кондаревъ приподнялся съ травы, расправляя ноги. Ласковая и теплая волна неожиданно пришла съ поля, обдала ихъ обоихъ съ ногъ до головы и ушла дальше, скользя по зеленой скатерти хлѣбовъ темной зыбью. Листья ракиты зашуршали и стихли Ракита словно перекинулась съ этой волной прिवѣтствіемъ на своемъ непонятномъ нарѣчьи и снова оцѣпенѣла въ тихой задумчивости.

— Вотъ я замѣтилъ,—внезапно заговорилъ Опалихинъ,—что тебя всего передернуло, когда я тебя моимъ лучшимъ другомъ назвалъ. И я подумалъ: онъ мнѣ не вѣритъ. А, между тѣмъ, это такъ: ты мой лучшій другъ. Ты много лучше окружающаго большинства. Все-же ты представляешь изъ себя кое-какой матеріалъ, изъ котораго время можетъ-быть, кое-что и вылѣпить Ты какъ будто задумываешься надъ жизнью. А вѣдь большинство живетъ, какъ грибы. И поступать съ ними нужно, какъ съ грибами Пригодныхъ для ѣды—на сковородку, а пога-

нокъ посшибать ногою. Да-съ,—вздыхнулъ Опалихинъ съ холодной усмѣшкой,—а ты мнѣ не повѣрилъ. Впрочемъ, оговариваюсь заранѣе. мое расположение къ тебѣ меня ровно ни къ чему не обязываетъ. И если жизнь столкнетъ насъ когда-нибудь лбами, я буду твердо помнить только одну заповѣдь. жизнь есть единственное благо и дана мнѣ она на очень короткій срокъ. А потому-съ...

Внезапно Опалихинъ расхохотался. Смѣхъ у него былъ надменный, полный сознанія собственной силы и походилъ на первый раскатъ вешняго грома. Кондаревъ поблѣднѣлъ всѣмъ лицомъ.

— Скажемъ такой примѣръ, — между тѣмъ, продолжалъ Опалихинъ,—если-бы я полюбилъ жену искренняго моего всѣмъ разумомъ моимъ и всѣмъ помышлениемъ, я не сталь-бы ставить своимъ желаніямъ загородки. Зачѣмъ? Докажи мнѣ, что жизнь дается каждому изъ насъ не единожды? Не сможешь? а тогда къ чему и огороды городить.

И онъ снова коротко размѣялся Кондаревъ сидѣлъ блѣдный, съ усталымъ лицомъ и съ тоской думалъ: „какая наглость!“

Онъ былъ увѣренъ, что Опалихинъ говоритъ потъ именно о немъ и о его женѣ.

Опалихинъ продолжалъ:

— Жизнь есть столкновение интересовъ од-

ного съ интересами другого или другихъ. Общество всегда прекрасно сознавало это и на дѣло на себя предохранительный кринолинъ изъ заповѣдей и законовъ. Оно дорого цѣнило и цѣнить жизненныя блага и поэтому-то оно и огородило ихъ такъ старательно отъ поку-

Вотъ тебѣ происхожденіе нравственныхъ правилъ. Ни больше, ни меньше, какъ инстинктъ самосохраненія, но только не въ отдѣльной личности, а въ цѣлой группѣ. Ларчикъ, какъ видишь, открывается здѣсь совершенно просто Заповѣди, впрочемъ, едва-ли кто соблюдаетъ и говорить о нихъ нечего, ну а „уложеніе о наказаніяхъ“ все-таки нужно имѣть на всякій случай въ виду.

Кондаревъ сдѣлалъ жестъ, какъ-бы желая говорить; Опалихинъ замолчалъ, поджидая возраженій съ холодной усмѣшкой на яркихъ губахъ. Но онъ не дождался ихъ.

— Мое оружіе и мой компасъ—разумъ, заговорилъ онъ снова. Это надежное и вѣрное оружіе, и съ нимъ я иду по своему пути безъ страха и упрека. Мой девизъ—захватить какъ можно больше благъ и радостей, и я работаю съ моимъ оружіемъ въ рукахъ, не зная усталости, за что и въ правѣ требовать отъ жизни нѣкоторыхъ преимуществъ

Опалихинъ замолчалъ, смѣлымъ взоромъ оки-

дывая окрестность. Кондаревъ вздохнулъ На межѣ подѣ ракистой стало тихо. Поля ярко сверкали, радуясь солнцу Вся ихъ плоская и зыбкая равнина, широко, какъ зеленое море, разливавшаяся по окрестности и замкнутая со всѣхъ сторонъ рѣзко сверкающимъ небеснымъ куполомъ, изнемогала, какъ женщина, въ этомъ могучемъ объятии неба, наслаждаясь свѣтомъ, тепломъ и всѣми радостями жизни. Казалось, было слышно, какъ поля пили благодатные соки земли, перерабатывая ихъ въ свои шелковые ткани, полныя избытка силъ и безмѣрной жажды творчества Удивительная гармонія связывала небо и землю Тихие и короткіе вздохи неожиданно падали порою откуда-то сверху на зеленую грудь полей, и поля отвѣчали имъ радостнымъ шелковымъ свистомъ

Опалихинъ сказалъ

О, какъ здѣсь хорошо! И можно-ли здѣсь не работать и не желать для себя всяческихъ радостей! Нѣтъ ничего лучше жизни, и нѣтъ ничего хуже той ямы, въ которую насъ со временемъ столкнутъ И уже одно ея существование оправдываетъ все Неправда-ли, мой лучший другъ? добавилъ онъ съ холодной усмѣшкой

Кондаревъ пожалъ плечомъ На межѣ изъза поворота, внезапно вынырнула стройная вороная лошадь въ щегольскомъ шарабанѣ. Опа-

лихинъ увидѣлъ широкую рыжую бороду своего кучера Епифана.

— А вотъ и Епифанъ,—сказаль онъ,—трогая колѣно Кондарева,—ѣдемъ-же ко мнѣ объдать. Я показаль тебѣ мои поля и видѣлъ твое благоговѣйное удивленіе. Это меня вполне удовлетворило и потому я хочу ѣсть! — добавиль онъ съ короткимъ смѣхомъ.

Епифанъ ловко осадиль лошадь у самыхъ ногъ Кондарева. Они оба поднялись съ межи. И тому и другому около тридцати лѣтъ. Опалихинъ былъ въ свѣтло-сѣромъ костюмѣ и желтыхъ башмакахъ; отъ всей его фигуры вѣяло холодной силой и изяществомъ. Худощавое и тонкое тѣло Кондарева было облачено въ чечунчовый пиджакъ и лакированные сапоги; черный шелковый воротникъ русской косоворотки выглядываль изъ-подъ его пиджака. Опалихинъ приняль возжи изъ рукъ Епифана, усаживаясь въ шарабанъ; Кондаревъ помѣстился рядомъ. Епифану приходилось идти въ усадьбу пѣшкомъ. Впрочемъ, до усадьбы Опалихина считалось всего версты двѣ

Здѣсь, по извилинамъ рѣки Вершаута, расположены на разстояніи шести-семи верстъ три усадьбы: Опалихина, Ложбиной и Кондарева, и двѣ деревни—Опалиха и Медуновка. Двѣ первыхъ усадьбы оставались въ рукахъ дворянства, а третья принадлежала молодому

купцу Кондареву, самому богатому́ изъ этихъ трехъ владѣльцевъ, за женой котораго вотъ уже два года настойчиво ухаживаетъ Сергѣй Николаевичъ Опалихинъ. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ весь уѣздъ. И припоминая кое-что изъ этихъ доходившихъ до него разговоровъ, Кондаревъ невольно хмурился, а Опалихинъ съ холодной усмѣшкой говорилъ ему:

— Я ждалъ тебя сегодня на весь день и нынче у меня къ обѣду два твоихъ любимыхъ блюда: пирогъ съ соминой и оладушки съ медомъ. А ты все еще не вѣришь, что я тебя люблю!—добавилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ.

Кондаревъ сидѣлъ и думалъ объ Опалихинѣ.

— И ты тоже, милый мой,—парень теплый. Грохотову я далъ займы — это нехорошо, а вотъ тебѣ два года тому назадъ десять тысячъ вывалилъ—такъ это превосходно! Грохотову на граммофонъ, а тебѣ на чилийскую селитру. Но только когда-же ты мнѣ ихъ отдашь?

Опалихинъ стегнулъ лошадь возжею. Зеленая скатерть полей рванулась на встрѣчу путникамъ, въ ихъ ушахъ только зашумѣлъ вѣтеръ.

Послѣ обѣда Опалихинъ и Кондаревъ сидѣли на обтянутомъ парусиной балконѣ, выходящемъ въ садъ, и пили чай. Опалихинъ вкусно прихлебывалъ изъ стакана и говорилъ:

— Вотъ я дворянинъ, а ты купецъ. Твой

отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ создавали своими руками и горбомъ состояніе, а мои размотали половину доставшагося имъ. Теперь-же въ ихъ дѣтяхъ получилось совершенно обратное. Я работаю и пытаюсь создать состояніе, а ты рѣшительно ничего не дѣлаешь и даже, пожалуй, отчасти транжиришь доставшееся тебѣ. Вотъ тутъ и разговаривай о наслѣдственности.

— Что-же?—устало усмѣхнулся Кондаревъ,— и тутъ есть своего рода логика. Мои предки работали не покладая рукъ, а подумать времени у нихъ не было, и вотъ я теперь думаю и за нихъ и за себя.

Опалихинъ положилъ ногу на ногу.

— Неужто ты такъ-таки совсѣмъ не занимаешься хозяйствомъ? спросилъ онъ Кондарева.

Кондаревъ махнулъ рукою.

— Все думаешь?

— Видишь-ли,—неторопливо отвѣчалъ Кондаревъ,—съ самыхъ ребячьихъ лѣтъ я до отъезда на работу эту самую наглядѣлся, и у меня до сей поры подъ ложечкой сосеть. Нѣтъ ужъ, Богъ съ ней! Видѣлъ я, какъ люди состоянія создаютъ! И онъ снова махнулъ рукою.

На балконѣ стало тихо. Небольшой, но густой садъ благоухалъ возлѣ, грѣясь на солнцѣ. Порывы сильнаго и внезапнаго вѣтра порою бросались на него, и онъ недовольно ворчалъ, склоняясь въ одну сторону и блѣднѣя на вер-

шинахъ. Сквозь просвѣтъ аллеи сѣрѣла узкая лента дороги и глядѣли тихія воды Вершаута. На дорогѣ неожиданно показался всадникъ въ англійскомъ несуразномъ шлемѣ.

— Вотъ тоже гусь,—сказалъ Опалихинъ, кивая на всадника.—Это Платоша Столбунцовъ, если не ошибаюсь. Ну да, онъ, конечно, онъ. И ѣдетъ онъ къ Ложбиной увиваться за Людмилочкой. А жена—сиди дома и веди конторскія книги.—Платонъ Платонычъ! — крикнулъ онъ, поднимаясь во весь ростъ

Всадникъ повернулъ къ балкону маленькое и худенькое лицо, смѣшно выглядывавшее изъ-подъ шлема; тонкія губы на безбородомъ, бритомъ, какъ у актера, лицѣ раздвинулись въ плутоватую улыбку. Не останавливая лошади, онъ приподнялъ шлемъ и сдѣлалъ рукою жестъ, какъ бы желая сказать, что онъ спѣшитъ.

— А то 'заверните,—крикнулъ Опалихинъ,—Людмилочка и подождетъ, не умереть!

И Опалихинъ расхохотался. Всадникъ повторилъ тотъ же жестъ и скрылся за вершинами сада.

Въ то-же время неожиданный и рѣзкій порывъ вѣтра ударилъ по саду и взбудоражилъ его побѣлѣвшія вершины, какъ волны. Садъ зашумѣлъ, какъ вода, и парусина балкона захлопала. Но вѣтеръ также внезапно исчезъ, какъ и появился. И вокругъ снова все застыло

— Некогда ему,— сказалъ Опалихинъ о Столбунцовѣ,— торопится. А что же?— И Людмилочка не изъ вредныхъ. А знаешь,— поднялъ онъ на Кондарева глаза,— Грохотовъ зоветъ Столбунцова— „Палашка-канканеръ“. Столбунцовъ прекрасно пляшетъ канканъ и для этого надѣваетъ поверхъ панталонъ юбку. Преуморительно. Впрочемъ, что же?— добавилъ онъ съ холодной усмѣшкой,— живетъ, какъ умѣетъ!

Опалихинъ замолчалъ. Сильный порывъ вѣтра внезапно пригнулъ садъ, и садъ съ глухимъ ворчаньемъ затрясъ вершиною, точно пытаясь сбросить съ себя крѣпко вцѣпившагося врага. Парусина балкона захлопала, будто стрѣляла. Черная тѣнь всколыхнулась въ глубинѣ аллеи и поползла съ песка дорожекъ на ступени балкона, какъ гнѣвныя волны. Видимо, приближалась гроза. Кондаревъ поспѣшно всталъ, собираясь домой.

На крыльцѣ, когда Кондареву подавали легонькій фаетонъ, Опалихинъ говорилъ ему:

— Ты, конечно, Андрей Дмитричъ, знаешь, что у Ложбининой съ этой недѣли начинаютъ четверги вечеринки съ особеннымъ уставомъ, который выработалъ я. *Soirées intimes*. Не забывай-же этого и прїѣзжай къ ней въ четвергъ. Да жену, конечно, захвати съ собою. Непремѣнно захвати!

— Слушаю-съ, — съ внезапнымъ гнѣвомъ буркнулъ Кондаревъ и сердито разсмѣялся.

Когда онъ сердился, смѣхъ его, обыкновенно звонкій и ребячій, дѣлался хриплымъ.

„Ревнуетъ,—подумаль Опалихинъ,—ну что же? Ревнуй, братецъ, на здоровье“.

— А знаешь что?—сказаль Кондаревъ, усаживаясь въ фаетонъ, —если-бы мнѣ, да твоя вѣра, я куда-бы смѣлѣе тебя былъ и полѣзъ-бы на проломъ, въ самое пламя! И знаешь что? почти вскрикнулъ онъ, внезапно блѣднѣя.—Я-бы тогда, пожалуй, вдѣсятеро сильнѣе тебя оказался! Слышишь?

— Трогай,—сердито тронулъ онъ спину кучера.

Гулкій ударъ грома пробѣжалъ наверху.

— А это какъ хочешь!—вызывающе крикнулъ Опалихинъ Кондареву въ догонку и коротко разсмѣялся.

Онъ пошелъ за ворота на встрѣчу шумѣвшему вѣтру за удалявшимся экипажемъ. „Это какъ хочешь“, думаль онъ, „но я предъ тобою не отступлю!“.

Порывы вѣтра рвали вершины сада и гудѣли въ крышахъ. Стая голубей безпокойно носилась надъ амбарами.

„Я передъ тобой не отступлю!“ — думаль Опалихинъ, и вся фигура Татьяны Михайлов-